

В. А. ЗАПАДОВ

**К ИСТОРИИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСЛЕДОВАНИЙ
Н. И. НОВИКОВА**

В литературоведении давно уже стало аксиомой положение, гласящее, что издательская деятельность Н. И. Новикова и возглавлявшейся им Типографической компании встречала активное противодействие правительства и навлекала гонения. Однако в разное время разные литературоведы и историки развивали эту аксиому различным образом. Одни исследователи полагали, что гонениям подвергалось масонство в целом и Новиков в частности за распространение религиозно-мистической литературы. Другие ученые считали, что правительственные преследования навлекала просветительская деятельность Новикова, а масонство как таковое правительство и Екатерину II не волновало.

Возможность выведения столь полярных заключений из одной аксиомы, очевидно, обуславливается двумя причинами. Во-первых, здесь сказывается разноречивость в оценках одного и того же литературного явления (ср., например, суждения по поводу «Хризомандера» в работах Г. В. Вернадского, Л. Б. Светлова, Г. П. Макогоненко, Ю. М. Лотмана, А. В. Западова и других исследователей). Во-вторых, — и эта причина главная, — недостаточно изучен вопрос о том, какие именно издания Новикова и почему навлекали преследования.

В научной литературе можно найти данные о конфискации и уничтожении почти двухсот новиковских изданий. Однако данные эти существуют лишь в самом номинальном, скорее «номинативном», виде: в подавляющем большинстве случаев наука располагает только названием книги и сведениями о конфискации. Но до сих пор остается неизвестным главное: чем данная книга навлекла на себя гонения, т. е. мотивы конфискации.

А поскольку в современном нам литературоведении мы сталкиваемся со случаями прямо противоположного истолкования одного и того же произведения, решить дилемму может лишь выяснение того, что видело в нем русское правительство. Выявление мотивов конфискации действительно необходимо еще по од-

ной причине: списки подвергавшихся гонениям изданий чрезвычайно пестры, разнохарактерны. Тут можно найти что угодно: от «Гражданской азбуки» до «Церковного словаря», от стихов Ломоносова и Сумарокова до сочинений Иоанна Златоуста и Августина Блаженного.

Итак, уточнение состава новиковских книг, подвергавшихся преследованиям, и выяснение мотивов, вызывавших цензурные гонения, — вот две стороны проблемы, ставящейся в данной работе.

История русской цензуры XVIII в. разработана вообще мало. Собственно говоря, после дореволюционных трудов В. П. Семенова в печати не появлялось ни одной серьезной обобщающей работы по этому вопросу.¹ В результате мы зачастую вынуждены принимать за истину легенды столетней давности. А доверяясь легендам и мифам, мы сталкиваемся с колоссальным количеством необъяснимых загадок, неразрешимых проблем.

В самом деле, если поверить бытующим в научном обиходе сведениям, поэма Битобе «Иосиф» в переводе Д. И. Фонвизина была в 1786 г. признана «сумнительной» и Новикову запретили продавать и перепечатывать ее. Но каким же образом в 1787 г. Новиков сумел выпустить следующее издание поэмы? Это новое издание тоже, согласно печатным источникам, было конфисковано и опять-таки был наложен запрет на дальнейшие перепечатки, причем о запрете 1786 г. почему-то никто не вспомнил. А в 1790 г. Петр Богданович снова издает поэму «Иосиф», будто бы уже дважды запрещенную, — и цензура совершенно спокойно взирает на эту операцию.

Подобных фактов множество, но как их объяснить? Что это — поразительная смелость издателей либо ротозейство цензоров? Или беспрецедентный цензурный либерализм? А может быть, гораздо проще: никто и никогда эту книгу вообще не запрещал ни продавать, ни печатать? Известные материалы не дают ответа на подобные вопросы. Но обращение к архивам позволяет восстановить историю взаимоотношений Новикова с цензурой в новом виде, отличном от столетней традиции.

Обследование архивов сразу же позволяет сделать вывод принципиального характера: сосредоточив внимание лишь на одном вопросе — «Новиков и цензура» и игнорируя материалы, связанные с другими содержателями типографий, дореволюционные исследователи невольно исказили историческую ретроспективу. А это привело к ошибочному определению момента, когда начинается цензурная борьба с Новиковым и масонским книгоиздательским делом.

Иногда начало преследований Новикова и масонства относят к 1784 г. — к конфискации новиковских перепечаток учебных

¹ См.: История русской литературы XVIII века. Библиографический указатель. М.—Л., 1968, с. 104.

книг, иногда к январю 1785 г., когда Синод начал расследование о книге Иоанна Арндта «Об истинном христианстве». По-видимому, и то и другое неверно.

В первом случае имела место обычная контрафакция — незаконная перепечатка книг, право на издание которых принадлежит другому владельцу. Такого рода контрафакции бывали и у Вейтбрехта и Шнора («Гражданская азбука», 1777), и у типографии Артиллерийского и инженерного корпуса («Месяцеслов на 1780 год»), и у других типографий — и никаких особенных последствий для нарушителей конфискация незаконной перепечатки не влекла.²

Начиная же следствие о книге Арндта, Синод не имел ни малейшего представления о том, кто в Москве издал ее. Следствие было направлено не против книгоиздательского предприятия, а против самой книги, и началось потому, что сочинение Арндта было запрещено Синодом еще в 1743 г. А такого рода истории разыгрывались довольно часто: подобным же образом, например, были конфискованы, а затем в 1799 г. уничтожены сочинения Иоанна Златоуста и Амвросия Медиоланского.

Но о книгах, конфискованных у Вейтбрехта, Шнора, Клеэна и других издателей, в научной литературе сведений нет. А об изданиях, конфискованных у Новикова, известно хорошо со времени Лонгинова. Так возникает иллюзия, что уже в 1784—начале 1785 г. цензура борется с Новиковым, что уже в это время начинаются гонения на московских мартинистов.

На самом деле первый указ, направленный против Новикова и масонского книгоиздательского предприятия в целом, — это указ от 23 декабря 1785 г. Выполняя распоряжение императрицы, московский архиепископ Платон осматривает издания, обнаруженные в типографии и книжной лавке Новикова. В результате проверки Платон полагает, что «сумнительными» следует признать 23 книги. Список этих книг опубликован уже более ста лет,³ но до сих пор не были известны основания, которые побудили архиепископа выбрать данные 23 издания из 458 осмотренных. Поэтому представляется небезынтересным хотя бы вкратце изложить «примечания» Платона.⁴

Первым в списке значится произведение Сен-Мартена «О заблуждениях и истине». Примечание Платона гласит: «Книга странная, в некоторых местах для закона и правления предосудительная, и яко исполненная по-видимому нарочной темноты,

² Подробнее см.: Западов В. А. Краткий очерк истории русской цензуры 60—90-х гг. XVIII века. — В кн.: Русская литература и общественно-политическая борьба XVII—XIX веков. Учен. зап. пед. ин-та им. А. И. Герцена, т. 414, Л., 1971.

³ См.: Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866, с. 465—467, а также: Лонгинов М. Н. Новиков и московские мартинисты. М., 1867, с. 036.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 67, № 110/47, л. 11—13.

могущая служить к разным вольных людей мудрованиям: а потому к заблуждениям и к разгорячению энтузиазма».

Еще более развернутой рецензией архиепископ сопровождает книгу Штарка «Апология, или Защищение вольных каменщиков». В этой книге Платон нашел «некоторые крайне сумнительные намерения», свидетельствующие о «дальновидных, но предосудительных предприятиях» масонов. «Подобного же вкуса и предприятия» — «Братские увещания» Станислава Эли, повесть «Хризомандер» и «Карманная книжка для вольных каменщиков».

Такова первая группа книг, в которой Платон усмотрел не только мысли, противные «закону» (то есть религии), но и для «правления» «предосудительные намерения». Примыкает к этой группе «Новая Киропедия» Рамзая.

Вторая группа книг — издания, оскорбительные для религии, но не для «правления». Так, например, поэма Битобе «Иосиф», по мнению архиепископа, «несходственно с Священным писанием, Иосифову целомудрия добродетель <...> унижает и опровергает». «Человек в 40 талеров» Вольтера, утверждает Платон, «мало содержит полезного, а более колобродного».

Особый гнев архиепископа вызывает «Древняя и новая история» Милло: «Во многих местах находятся выражения, для истинной религии оскорбительные и соблазнительные: и кажется вся история одушевлена духом, христианству мало приятствующим, — все же тому противное выхваляющим и возвышающим».

Впрочем, некоторые издания масонов устаиваются даже похвалы Платона, смущает его лишь расхождение со Священным писанием: «Книжки хорошие и полезные, только в приложенных к тому таблицах в человеке полагается три части: тело, душа и дух», а это противоречит «здравой философии и Священному писанию».

Наконец, третья группа — это произведения, «могущие превращать благонравие» (то есть развратные), и светская беллетристика, в которой, по мнению Платона, «ничего полезного не заключается». Последнее относится к «Русским сказкам» В. А. Левшина, «Библиотеке немецких романов» в переводе Левшина, «Сказкам духов» Джеймса Ридли и «Песеннику» Чулкова.

Отправив в Синод и Екатерине ведомость, куда вошли 22 издания, Платон спустя некоторое время спохватился, что в список «сумнительных» книг не внесено сочинение Штарка «О древних мистериях, или О таинствах, бывших у всех народов», и счел нужным не только сообщить о книге Синоду, но и написать графу Безбородко «для донесения ее императорскому величеству».

Несмотря на усердие Платона, большая часть книг не была запрещена. В указе Екатерины II от 27 марта 1786 г. перечислено лишь шесть из 23 книг, признанных Платоном «сумнительными»: пять книг первой группы и «Парацельса химическая псалтирь» Б. Ж. Пено. Указ московскому главнокомандующему Я. А. Брюсу

гласил: книги шести наименований «оставить за печатью и в продажу выпускать запретить», «а прочие книги распечатать и продажу их дозволить». Шесть изданий были опечатаны прямо в лавке Новикова «в коробах» и хранились там до 1793 г., когда их было велено уничтожить. Семнадцать же остальных — произведения Вольтера, Битобе, Левшина, Ридли, сборник Чулкова и т. д. — никакому запрету не подверглись.

Последнее необходимо подчеркнуть потому, что до сего дня в научной литературе бытует утверждение, будто бы шесть книг конфисковали, «а семнадцать, в числе которых попались произведения Вольтера, сборники сказок и песен, лишь запретили продавать».⁵ Иногда пишут даже о конфискации двадцати трех изданий. Эти версии, восходящие в конечном счете к Лонгинову, ошибочны.

Распорядившись распечатать лавку Новикова, в соответствии с указом императрицы Брюс приказал взять с Новикова подписку в том, что, кроме сложенных в коробах экземпляров книг шести названий, «сих от него объявленных и запечатанных, других такового содержания <...> более у него не имеется, а буде впредь окажутся, подвергает себя строжайшему по законам взысканию».⁶ Содержание указа было объявлено не только самому Новикову, но и всем владельцам московских вольных типографий (а также книгопродавцам), и они также дали подписку «о не издавании книг, наполненных странными мудрованиями и заблуждениями».⁷

Тем не менее «подписка» не устрасила ни самого Новикова, ни других типографчиков — и через полтора года последовал новый указ, против масонов направленный уже косвенно. 27 июля 1787 г. императрица запретила печатать и продавать вообще всякого рода «молитвенники», «книги церковные или к Священному писанию, вере либо толкованию закона и святости относящиеся». Запрет не распространялся лишь на продукцию синодальных типографий и издания Комиссии народных училищ.

Поначалу указ этот имел грандиозные, может быть, даже неожиданные по размаху результаты. В одной только Москве было обнаружено 313 изданий, напечатанных в университетской, московских вольных типографиях Лопухина, Компании типографической, Гиппиуса, Пономарева, Клаудия, Мейера, петербургских — Шнора, Галченкова, Геннинга, Овчинникова, Вейтбрехта,

⁵ Западов А. В. Новиков. М., 1968, с. 146; см. также: Светлов Л. Б. Издательская деятельность Н. И. Новикова. [Б. м.], 1946, с. 68 и т. д. Устойчивость этой версии тем удивительнее, что документы об опечатании только шести изданий публиковались многократно, см., например: Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей, ч. IV. М., 1836, с. 28; Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, с. 467—469; Новиков Н. И. Избр. соч. М.—Л., 1951, с. 587—588, и т. д.

⁶ ГИАМО, ф. 46, оп. 7, св. 422, № 5324, л. 4—4 об.

⁷ Там же, л. 4 об.

Академии наук, Сухопутного, Морского, Артиллерийского и инженерного кадетских корпусов, сенатских типографиях.

Петербургских данных у нас пока нет, но зато есть рапорты духовных властей о просмотре и опечатании книг в провинции. Там также было заподозрено относительно большое количество изданий: в Архангельске опечатано 300 экз. книг различных наименований, в Нижнем Новгороде — 86, в Казани — 124, в Симбирске — около 150 и т. д.

Какова была дальнейшая судьба этих книг — прежде всего книг, опечатанных в Москве?

В русском литературоведении была принята точка зрения М. Н. Лонгинова, который утверждал: «Нет сомнения, что множество их было потом сожжено. Поэтому существующие теперь экземпляры их можно считать теми, которые успели быть распроданы до августа 1787 г.»⁸ Версия Лонгинова бытует и в советской науке. «Духовная цензура изъяла из книжных лавок в Москве огромное множество книг, которые были, по-видимому, уничтожены», — писал в 1946 г. Л. Б. Светлов.⁹ «Летом 1787 года <...> отобрали в книжных лавках и в типографии Новикова десятки тысяч книг, и не только духовных, но и учебных. Это уже был открытый поход против просветительских намерений Новикова», — указывал в 1951 г. Г. П. Макогоненко.¹⁰ Столь же безоговорочно пишут о «конфискации» в 1787 г. ряда изданий составители «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII века», печатавшегося в 1962—1967 гг. (см., например, аннотации к № 23, 24, 27, 29, 32, 33, 34, 38 и мн. др.). Наиболее решительно и безапелляционно «расправился» с этими изданиями (попутно увеличив их число с 313 до 330) уже в 1968 г. А. В. Западов: «Книги отобрали и сожгли».¹¹

Таким образом, нет исследователя, который не писал бы о 313 изданиях, конфискованных вследствие указа 1787 г. Нельзя, однако, не обратить внимания на то, что, более или менее подробно повествуя о горестной судьбе этих книг, все литературоведы в равной мере обходят вопрос о том, какие именно издания, книги каких авторов подвергались конфискации и сожжению.

Подобная «фигура умолчания» вряд ли случайна, ибо при ближайшем рассмотрении в списке 313 изданий можно обнаружить сочинения, переводы, проповеди, поучительные слова следующих небезызвестных лиц:

⁸ Лонгинов М. Н. Новиков и московские мартинисты, с. 286. Ср.: Боголюбов В. Н. И. Новиков и его время. М., 1916, с. 396; Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917, с. 125.

⁹ Светлов Л. Б. Издательская деятельность Н. И. Новикова, с. 69.

¹⁰ Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века. М.—Л., 1951, с. 517.

¹¹ Западов А. В. Новиков, с. 154.

Гавриила, митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского, «первенствующего святейшего правительствующего Синода члена»;

членов Синода — Платона, митрополита Московского и Калужского;

Самуила, митрополита Киевского и Галицкого;

Иоасафа, архиепископа Тверского и Кашинского;

Арсения, архиепископа Ростовского и Ярославского;

Симона, епископа Рязанского и Шацкого;

Феофилакта, епископа Переяславского и Дмитровского;

Дамаскина, епископа Нижегородского и Алатурского;

Антония, архиепископа Астраханского, и многих других иерархов православной церкви.

Я уж не говорю о мелкой церковной сошке вроде Аполлоса Байбакова, ректора Московской духовной академии, чьих изданий в одном только московском списке полтора десятка. Но любопытно, что цензор Моисей Гумилевский, один из составителей московского списка, не пощадил и самого себя, включив в число 313 изданий четыре собственных сочинения и перевода, а за компанию и две книги Ириней, духовного цензора в Ярославле.

Но какие же причины могли подвигнуть духовных цензоров и членов святейшего Синода на столь жестокую расправу над своими собственными произведениями?

Уже сам факт включения в список 313 изданий тех сочинений и переводов, которые принадлежат перу духовного цензора Моисея Гумилевского, наличие в списке всех имевшихся в продаже сочинений членов Синода заставляет задать вопрос: не являются ли наши представления о десятках тысяч книг, которые «отобрали и сожгли», легендой, восходящей к временам давно минувшим? Не повторяем ли мы ошибку Лонгинова, говоря о конфискации полутора тысяч книг?

Так возникает гипотеза, что список 313 книг — это вообще не реестр конфискованных изданий, а просто исчерпывающий список духовной и мистической литературы, находившейся в продаже и обнаруженной во всех московских книжных лавках осенью 1787 г., — то есть список литературы, подлежащей освидетельствованию.

Обращение к документам подтверждает справедливость этого предположения. Как показывают архивные материалы, в действительности ход дела был совершенно иным, чем принято считать, и судьба опечатанных книг может быть полностью восстановлена в другом виде.

При осмотре книжных лавок все книги, касающиеся духовных вопросов, молитвенники, наконец, содержащие только какие-нибудь упоминания о религии и напечатанные не в синодальных типографиях, были опечатаны частью тут же в лавках, частью свезены в Московскую синодальную контору. Но, поскольку духовные цензоры составляли список по формальным признакам

(тематика и типография), изъятыми из продажи оказались в подавляющем большинстве издания, ничего «сумнительного» в себе не заключающие.

Как и во время расследования Платона, императрица и Синод сочли возможным и нужным запретить лишь малую толику из громадного списка. 30 сентября 1788 г. Екатерина направила московскому главнокомандующему П. Д. Еропкину (преемнику Я. А. Брюса) указ, которым предписывалось изъять 14 изданий из 313, а все остальные 299 изданий, «распечатав, отдать хозяевам их и продажу оных дозволить; с таким, однако ж, подтверждением, чтоб других изданий без ценсуры Синода делано не было». При указе приложен список 14 книг, которые следовало «оставить под сохранением синодальной канторы за печатью впредь до указа».

11 октября 1788 г. Синод вслед за императрицей издал указ о возвращении владельцам книг, не означенных в списке. Они и были возвращены хозяевам «по реэстрам с распискою».

Книги же 14 наименований, перечисленные в реестре, который подписал митрополит Гавриил, оставались на хранении в Московской синодальной канторе вплоть до 1793 г., когда их было велено «предать огню все без изъятия».

Какие книги вошли в число 14 запрещенных в 1788 г. изданий?¹²

Одна из них — «Священная сатира на суету мира, или Екклезиаст премудрого пророка Соломона» (СК, 6387) — была издана типографией Мейера еще в 1783 г., и в 1786 г. рассматривавший ее Платон не нашел в ней ничего «сумнительного». На сей раз, в 1788 г., примечание Синода гласило: «Истолкователь не только отстывает от намерения богодухновенного писателя, не выражая прямо мыслей его, но и от себя много непристойного прибавляет».

Сходная причина вызвала изъятие из продажи книги, вышедшей из вольной типографии Пономарева в 1787 г., — «Одиннадцать утренних евангелий, древле истолкованные премудрейшим Григорием архиепископом Тавроминийским» (СК, 1631). Резолюция Синода на это издание такова: «Толкование, наполненное вымыслами подлыми, несогласное во многих местах с текстами».

Первая часть перевода А. М. Кутузова поэмы Клопштока «Мессия» печаталась в типографии Лопухина в 1785 г., вторая — в типографии Компании типографической в 1787 г. (СК, 2938). Причина запрета: «Имеет выражения, противные Священному писанию и низкие по отношению к божеству».

Одиннадцать остальных запрещенных изданий напечатаны новиковскими типографиями с 1780 по 1787 г.

¹² Далее в тексте указанный в скобках номер с пометкой «СК» означает ссылку на соответствующий номер «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800» (т. I—V, М., 1962—1967); номер с пометкой «Соп.» — то же по «Опыту российской библиографии» В. С. Сопова (т. I—V, СПб., 1904—1906).

Три книги из их числа — это сочинения немасонско-религиозного характера. Изъятию подвергалась третья часть «Собрания поучительных слов» греческого епископа Илии Миниятия (СК, 2484), поскольку «в сей части напечатаны проповеди, которые, яко содержащие суеверные выражения, не дозволены Синодом». Изъят был из продажи «Евдомадевхаридион, или Молитвы на каждый день седмицы» Афанасия, иеромонаха Критского (СК, 348), потому что «сей молитвенник местами содержит выражения суеверные». Причина запрета переведенной с латинского книги «Опыт подвига в благочестии» (СК, 5016) изложена одним словом: «Молитвенник».

Наконец, восемь изданий изымались ввиду несоответствия Священному писанию, «странных умствований».

Так, например, о «Новой Киропедии» Рамзая (СК, 5835) сказано: «Противна во многих местах Священному писанию и содержит странные умствования». «Российское сочинение» поэма «Истинный свет» (СК, 2684) — «сочинение нескладное, наполненное вымыслами, противными Евангелию». По сходным мотивам запрещены были книги «Наука обращаться с богом» (СК, 4497), «Исследование философских и нравственных проповедей» (СК, 2675), «Истинные правила христианского воспитания детей» (СК, 2682).

Анонимная брошюра масонского характера «О поклонении духом и истинною» (СК, 4752) и сочинение Франкенберга «О тройственном пути души» (Соп., 12030; в СК отдельное издание не зарегистрировано) изымались потому, что «могут подать случай к странным умствованиям». То же самое сказано о предисловии к книге епископа Оксфордского Джозефа Холла «Образ жития Енохова» (СК, 8049) — и это предисловие было вырвано, а сама книга пущена в продажу (Соп., 6972).¹³

Таким образом, среди 14 запрещенных книг находятся издания исключительно религиозного и мистического характера. Ни учебных книг, ни произведений просветителей, ни сочинений исторического содержания в списке 14 изданий нет.

Следует подчеркнуть, что все книги, вышедшие до 1785 г. включительно, в свое время попали в «Роспись» Тейльса, были освидетельствованы Платоном и в большинстве признаны им безвредными. А названные Платоном «сомнительными» «Новая Киропедия» и «Избранная библиотека для христианского чтения» безвредными признали в 1786 г. императрица и Синод. В 1788 г. «Новую Киропедию» подвергают запрету, однако среди 150 новиковских изданий, не подвергнувшихся изъятию, был не один десяток книг, развивавших те же идеи, что и запрещенные издания, — но они не привлекли внимания Синода.

Больше того: к продаже были разрешены все издания «Избранной библиотеки для христианского чтения» (СК, 2426, 2427,

¹³ Судьба 313 изданий и примечания Синода воспроизведены по делу, хранящемуся в ЦГИАЛ (ф. 796, оп. 68, № 290).

2428), первое из которых еще Платон предлагал запретить. А ведь в этих сборниках напечатаны и «О тройственном пути души» Франкенберга, и «О поклонении духом и истинною», запрещенные в отдельных изданиях.

Этот случайный выбор запрещаемых в 1788 г. книг резко бросается в глаза. Но сам случайный выбор далеко не случаен.

Сопоставление двух указов 1785 и 1787 гг. и результатов, к которым привела реализация этих указов в 1786 и 1788 гг., создает вполне определенную и достаточно выразительную картину.

Указ 1785 г. направлен лично против Новикова и новиковской типографии. Проведя испытание Новикова в догматах православной церкви, архиепископ Платон донес императрице, что молит бога, дабы «во всем мире были христиане таковые, как Новиков».¹⁴ А в результате цензурного расследования карательные меры принимаются не против книжной продукции новиковской типографии, а против типографии Лопухина. Из шести книг, запрещенных в 1786 г., пять были напечатаны Лопухиным и лишь одна — Новиковым.

Распорядившись конфисковать книги, в которых развивались государственные и социально-политические идеи масонов, и дозволить продажу нравственно-религиозных сочинений, Екатерина II весьма недвусмысленно указала на запретную для мартинистов область — государственные проблемы, проблемы власти.

В отличие от предыдущего указ 1787 г. внешне направлен не против Новикова и даже не против масонства, а против издания духовно-религиозной литературы вообще. Но явившийся его результатом указ 30 сентября 1788 г. направлен именно против новиковских типографий. Из 14 запрещенных книг лишь три напечатаны Мейером, Пономаревым и Лопухиным, а 11 — в новиковской университетской и возглавлявшейся Новиковым Типографической компании. И «случайность» отбора запрещенных книг связана с тем, что удар предназначен не масонской идеологии, а лично Новикову: это подготовка следующего указа.

Ровно через три недели, 22 октября 1788 г., Екатерина приказывает не сдавать ему более в аренду университетскую типографию.

Это нарастание преследований именно Новикова совершенно правильно подметил и подчеркнул Г. П. Макогоненко.¹⁵ Однако широкий список 313 будто бы конфискованных изданий привел исследователя к ошибочному тезису об открытом походе против просветительских намерений Новикова.

Думается, что приведенные здесь факты не оставляют ни малейшей возможности для подобного заключения. Новиков преследуется не как просветитель, а именно как масон.

¹⁴ См.: Новиков Н. И. Избр. соч., с. 579.

¹⁵ См.: там же, с. 742.

Борьба с просветительством и революционной идеологией примет более острые формы позднее. Новый этап цензурной и судебно-административной политики русского правительства открывается в октябре 1789 г. указом Екатерины о непечатании без цензуры Синода собрания сочинений Вольтера, и на этом этапе возникают «дела» Радищева, Княжнина, Рахманинова, Петра Богдановича и мн. др. На этом же этапе Новиков и другие масоны впервые допрашиваются по поводу книги в известной мере просветительского характера — «О народной гордости» Циммермана, той самой книги, отрывок из которой был издан Фонвизинным под заглавием «Рассуждения о национальном любопытии».

В чем же причина преследований Новикова во второй половине 80-х годов? Ответ подсказывается самими датами трех главных ударов: 1785, 1787 и 1792 годы. Каждый из них наносится в ответ на очередную попытку Новикова связаться через зодчего Баженова с наследником престола Павлом Петровичем.

Вслед за первой поездкой Баженова,¹⁶ когда он передал Павлу присланные московскими мартинистами масонские книги, Екатерина конфискацией шести книг строго определенного содержания запрещает масонам вмешиваться в область государственной политики.

Вслед за второй поездкой Баженова, когда он передает книги, присланные уже одним Новиковым, императрица фактически ликвидирует книгоиздательское предприятие Новикова.

В ответ на третью поездку Баженова следует арест Новикова и разгром московской розенкрейцерской организации. При этом мера постигшей розенкрейцеров кары полностью определяется степенью их участия в «уловлении известной особы» (то есть Павла) и в связи с немецкими масонами.

Никаким особым репрессиям не подвергаются те розенкрейцеры, кого интересовали лишь нравственно-религиозные искания (например, М. М. Херасков).

Сосланы те, кто только ведал об «уловлении известной особы» (И. П. Тургенев) или «соглашался» с этим на первом этапе (Н. Н. Трубецкой). И. В. Лопухину, об осведомленности которого говорил в своих показаниях Новиков, но который сам решительно отрицал какое бы то ни было участие в «уловлении», первоначальный приговор был смягчен.

¹⁶ В показаниях Новикова, данных в июне 1792 г., в результате оговорки или описки указана ошибочная дата — конец 1775 или начало 1776 г. (см., например, в кн.: Новиков Н. И. Избр. соч., с. 698). Так же датирует первую поездку Баженова и А. В. Западов («Новиков», с. 168—169), не обращая внимания на то, что Новиков говорит о книгах, вышедших из печати только в 1784 г. Новейшее воспроизведение старой ошибки см. в статье С. Р. Долговой «Каржавин и Баженов» (Рус. лит., 1976, № 1, с. 111).

В тюрьме или в сумасшедшем доме оказались те, кто подозревался в осуществлении связей Новикова с границей: М. И. Багрянский, М. И. Невзоров, В. Я. Колокольников. Находившегося в Берлине А. М. Кутузова было велено арестовать, как только он окажется на территории России.

На тюремное заключение был осужден и Н. И. Новиков — наиболее активный деятель из числа московских розенкрейцеров и, что было особенно страшно для Екатерины II, единственный из них организатор-практик.